

Г.С. БАТЫГИН

ОГЮСТ КОНТ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Ред. кол. А.И. Володин; К.Х. Делакаров; С.Б. Роцинский;

Б.М. Шахматов; Ред.-сост. К.Х. Делокаров;

Б.М. Шахматов; Отв. за выпуск Б.М. Шахматов.

М.: Изд-во РАГС, 2000.

Эта скромно оформленная малотиражная книга является фундаментальным изданием по истории общественной мысли в России. Хотя сборник посвящен двухсотлетию со дня рождения Огюста Конта (1998 г.) и по замыслу составителей является юбилейным, здесь нет обычных для юбилейного издания «приветственных» текстов. Каждую из помещенных в книгу статей можно без колебаний назвать высокопрофессиональной. Это не значит, что тексты безупречны. Однако какие бы недочеты ни содержались в них, они являются недочетами специалистов высочайшего класса. Авторы не только досконально знают предмет, но и открывают неожиданные философские и источниковедческие головоломки в истории русского позитивизма. Постановка новых проблем в данном случае более важна, чем решение самых трудных вопросов истории русской социальной мысли. Во всяком случае, после прочтения книги возникают сомнения даже в том, что вчера казалось хрестоматийно-ясным. Это верный признак хорошей изученности темы.

Рецензируемое издание подготовлено проблемной группой «История отечественной общественно-философской мысли» кафедры философии Российской академии государственной службы. Немногочисленная, но влиятельная историко-философская школа, на поддержку которой немало сил положил А.И. Володин, создала ряд эталонных работ, где преданность ремеслу историка, уважение к источнику, аккуратность и непретенциозность суждений, чувство вкуса и меры сочетаются с широким интерпретационным кругозором и фантазией, лишь изредка отрывающейся от почвы.

Задача исторического объяснения Конта и контизма в истории идей становится более отчетливой и интересной по мере того, как «позитивизм» в контовском смысле становится историей. Можно говорить о прозорливости Конта, мировоззренческом значении его понимания научного разума, идеи Человечества, вообще о том, что он имел в виду — эта историко-научная традиция остается в рамках «критики» или истолкования. «Бессознательный аксиологизм, причем по большей части вульгарный, пронизывает отечественную историографию русской мысли», — пишет в своей статье В.Ф. Пустарнаков (с. 151)¹. В определенной степени он прав. Иное дело история идей, где задача заключается в прослеживании аллюзий, заимстования

Батыгин Геннадий Семенович — доктор философских наук, профессор, зав-сектором социологии знания Института социологии РАН. Адрес: Москва 117218, ул. Кржижановского 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Факс (095) 719-09-40. Электронная почта: batygin@isras.ru

¹ Здесь и далее в скобках указываются номера страниц рецензируемого издания.

ний, конъектур и неясных мест в оригинальном источнике, обстоятельств, предшествовавших либо сопутствовавших созданию и бытованию произведения, восприятию и преобразованию оригинала в тексте-реципиенте. Тогда жизнь идеи теряет связь с замыслом ее создателя, историческое исследование превращается в расследование и многие исторические мифы рассеиваются. Примеры великолепного решения таких задач можно увидеть в рецензируемом издании.

Теоретическое наследие О. Конта и его восприятие в России — тема новая. Однако изучение судеб «позитивной философии» ставит перед исследователями вопросы, затрагивающие методологические принципы истории идей. На этом пути еще предстоит осуществить рациональную реконструкцию (в терминах социологии знания) таких концептуальных фантомов, как «позитивизм», «научность», «прогресс» и обнаружить в них такие (в смысле В. Парето), которые не имеют отношения ни к позитивизму, ни к научности, ни к прогрессу. Фигура самого О. Конта представляет собой идейную химеру, принадлежащую разным смысловым пластам интеллектуальной истории. Его жизнь и творчество трактуются и как образец высокого подвижничества, и в терминах психиатрической диагностики, и в ряду великих научных открытий. Дело, конечно, не в самом Конте, а в идее контизма, которая вполне сопоставима по влиянию с основными социальными доктринами Нового и Новейшего времени. Контизм как факт новоевропейской интеллектуальной истории изучен весьма приблизительно, и главная задача заключается в систематизации источников и обсуждении историографической концепции контовского учения. Несомненно, рецензируемое издание является значительным вкладом не только в исследование идей Конта, но и в методологию истории идей.

Книга читается неотрывно. Некоторые статьи имеют преимущественно реферативный характер и проясняют запутанную картину «первого» позитивизма, другие поражают своей неординарностью и изысканным интеллектуальным вызовом. К последним относятся, например, статья В.Ф. Пустарнакова «Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х годов и впервые о его кризисе», где философия Просвещения рассматривается как одна из разновидностей неакадемического, неуниверситетского стиля философствования и выдвигается гипотеза о том, что русское Просвещение еще не завершилось (с. 159), статья Б.М. Шахматова «Конт-200», представляющая собой кажущийся ироническим панегирик Конту и своеобразно иллюстрирующая проницательный анализ знаковой природы революционаристской речи в другой статье Б.М. Шахматова — о русских переводах публикаций П.Н. Ткачева в газете «Le Toscin» и др. Филигранно выполнен в библиографическом очерке анализ дезатрибуции статей Лаврова и псевдонима *В.К.* (автора знаменитой статьи о позитивизме, опубликованной в «Русском богатстве» в 1889 году)².

² Казус, свидетельствующий о современном состоянии преподавания истории социологии в России, заключается в том, что статья *В.К.* перепечатана в специально изданном для студентов сборнике текстов «Социология в России XIX-начала XX веков» (составители Е.И. Кукушкина и Е.К. Прокудина), где авторство статьи без видимых мотивов, но уверенно приписано Н.И. Кареву.

Особый интерес представляют опубликованные в книге исторические источники. Впервые на русском языке вышло в свет письмо О. Конта царю Николаю I от 20 декабря 1852 года, в котором пространно излагается «фундаментальная догма Человечества, единственно возможная основа новой религии». Фрагмент этого уникального документа переводился В.И. Яковенко в его книге о Конте 1894 года. В рецензируемом издании представлен весь текст письма в переводе с французского Л.П. Камутенья, под редакцией В.Ф. Пустарнакова и с примечаниями Б.М. Шахматова. Публикуется статья Г.Н. Вырубова «Позитивизм и Россия», впервые увидевшая свет в качестве предисловия к русскому переводу книги Э. Литтре в Берлине в 1865 г. и ставшая библиографическим раритетом, статьи-прокламации П.Н. Ткачева из газеты «Le Tocsin» (тоже библиографические редкости).

Самостоятельное значение для академических исследований и преподавания истории русской общественной мысли имеет опубликованная Б.М. Шахматовым русскоязычная «конттиана». Известно, сколь трудоемка (и нередко неблагодарна) библиографическая работа, однако без такой работы невозможно даже подступиться к исторической теме. То, что удалось сделать Б.М. Шахматову, заслуживает самой высокой оценки. Ни один из указателей по истории общественной мысли в России не содержит столь полной коллекции источников по Конту. Однако качество работы составителя оставляет желать лучшего. Досадные недочеты (особенно в оформлении библиографических описаний) не позволяют считать эту важнейшую работу законченной. «Библиографическая работа не терпит суеты», — пишет Б.М. Шахматов. А затем говорит буквально следующее: «Эта библиография делалась “к сроку” и потому не может быть ни полной, ни совершенной». Далее указываются серьезные недостатки библиографического списка. Разделы указателя, по всей вероятности, тоже придуманы «к сроку»: сначала произведения Конта, затем литература о Конте, а далее следуют «Год столетия со дня рождения О. Конта», «Год столетия со дня смерти О. Конта», «Год 200-летия со дня рождения О. Конта». Здесь неуместно напоминание, что срок выполнения научной работы диктуется ее выполнением, а не «сроком». Однако можно представить ситуацию, где Б.М. Шахматов — и автор трех сложнейших статей, и автор примечаний и комментариев к переводам, и составитель библиографии, и ответственный за выпуск, и исполнитель компьютерного набора, и верстальщик, и художник обложки, и, вероятно, распространитель издания.

Влияние мыслителя на умы современников далеко не всегда эквивалентно его роли в истории науки. В статье К.Х. Делакарова «Позитивизм О. Конта, наука и эпоха Просвещения» развертывается тезис, что «позитивизм» в отличие от многих философских систем был ориентирован не столько на анализ основ познавательной деятельности человека, сколько на преобразование общества. В этом отношении контизм близок идеологии активного разума, утверждающего не ясные и отчетливые истины, а пути исправления несовершенного мира (с. 4). Если так, то «философия Конта» является предметом не историко-философского или историко-социологического исследования, а истории идеологий и социальных движений. Это совершенно разные, хотя и сопряженные, семантические поля. В конце 1930-х годов, анализируя становление научных программ XVII века, Р. Мертон показал их

существенную зависимость от протестантской идеи личного спасения и подвижничества в миру. В этом, по всей вероятности, и заключается тайна контовской «позитивной социологии», которая столь же близка научной методологии, сколь иезуитский пробабиллизм XVII века — женскому вопросу. Кажется, что главная проблема книги «Огюст Конт: взгляд из России» заключается в том, как отделить Конта-философа от Конта-пророка и мифотворца.

Домысливание является неизбежным компонентом истории идей. Историк должен истолковать смысл и мотив написанного даже в том случае, если в текстах отсутствует какой-либо смысл. Так получилось и с наследием О. Конта, изучение которого ведется преимущественно в агиографическом ключе, вполне позволительном для истолкователя учения. Например, заглавие раздела о Конте в одном из лучших российских учебников по истории социологии содержит прямую аллюзию на возникновение античной трагедии и звучит эпически: «Рождение науки из духа утопии». Но трагедия легко превращается в фарс. Магия дней недели и праздников, алтарь Клотильды, любовь как принцип, вера в факт, «живые все более и более управляются мертвыми», «жить при ярком дневном свете» и т. п. — все это прецедентные темы позитивистской речи, несущие на себе выраженный отпечаток профетического стиля. Подпадая под влияние профетической и агиографической стилистики, историк рискует утратить трезвый взгляд на предмет, а также прилицившуюся этому ремеслу тихую манеру речи. Вполне определенные следы влияния контизма на историографию контизма представлены в рецензируемом сборнике, многие статьи которого пронизаны неподдельным воодушевлением. Б.М. Шахматов пишет, что «Огюст Конт заслуживает того, чтобы спустя почти 150 лет после его смерти в России, когда запретов (сначала царского, потом советского) на издание его сочинений больше нет, все-таки были переведены и изданы хотя бы два главных его произведения: “Курс позитивной философии” и “Курс позитивной политики”» (с. 51). Действительно, за весь советский период не появилось ни одной мало-мальски обстоятельной книги о Конте³. Однако роль запретов здесь не следует преувеличивать. Место Конта в интеллектуальной истории, в том числе оценка его значимости как «классика социологии», требуют обсуждения, но в любом случае жанр панегирика не пригоден. Каждый, кто знает историю жизни и творчества Конта (хотя бы по книге В.И. Яковенко), не поверит монументальному изображению великого мыслителя, «в течение десятилетий преподававшего парижским рабочим математику и астрономию (с. 53), создателя особой системы высшего образования, создателя универсальной системы преобразования и организации общественного мнения для достижения социальной гармонии на принципах симпатии, кооперации, сотрудничества и любви» (с. 54).

Панегирик, составленный Б.М. Шахматовым, превосходен. Конт и универсальный мыслитель, и деятель, и учитель, и пророк, и социальный мыслитель, и социальный критик, и идеолог, и доктринер, и романтик, и утопист, и классик в таких науках, как философия, социология и политология,

³ Было бы интересно установить, кто и когда при советской власти запрещал издание О. Конта.

«или даже политическая экономия», право, этика и т. д. (с. 52-57). Эта секвенция впечатляет, но ее нетрудно продолжить в той же риторической манере: друг детей, женщин, спортсменов, пролетариата, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, великий вождь и учитель всех времен и народов — Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавер Конт. Эта секвенция имен сама по себе впечатляет. Она воспроизводится и в статье Б.М. Шахматова. Однако когда задача объяснения жизни идеи в истории неотличима от истолкования, исследование рискует превратиться в дифирамб или по крайней мере в точку зрения. Впрочем, Б.М. Шахматов так и написал: он присоединяется к желающим петь Конту дифирамбы (с. 67). Его увлеченность предметом вносит в книгу неподражательный эмфатический компонент: «Возьмите речи Робеспьера или Марата,.. речи Кропоткина или Ткачева,.. удалите из них исторические реалии места и времени, если вам это удастся (именно по ним-то историк их и идентифицирует), и перемешайте, а затем ставьте наугад под каждой из них любую подпись, — головная боль для любого историка обеспечена (с. 214-215); «Не хочется трогать лавроведов, но у меня какая-то морока с ними (лавроведами, точнее, лаврововедами)...» (с. 300); «Вызываю на соревнование любого из прочитавших это примечание...» (с. 303); «Вопервых, приготовьтесь, будем нырять в холодную воду...»; «Похождения О. Конта в России».

Но все-таки воодушевляющая речь содержит опасные искушения. Одно из них — стремление скорее к подтверждениям, чем опровержениям. Например, Б.М. Шахматов пишет, что не удивился бы, если бы вдруг обнаружилась причастность М.А. Бакунина «Позитивистическому обществу». В «Революционном катехизисе» Бакунина указывается на такие, кажется, контровские, идеи, как «отрицание наличности внемирового личного бога», «почитание человечества», «индивидуальную и коллективную свободу». Шахматов указывает также на бакунинский текст 1864 года, где говорится о «религии исполнения предназначения человечества на земле» и затем пишет: «Никто не убедит меня без веских оснований, что не о контовой религии человечества здесь идет речь» (с. 60). Помилуйте, Борис Михайлович! Это Вы никого не убедите без веских оснований, что Бакунин принадлежал к секте контистов. А апелляция Бакунина к «почитанию человечества» является, скорее всего, общим «фармазонским» местом в публицистике XIX века.

«Конт» являет собой типичный образец изготовленной классики. Возможно, весь сегмент текстов повышенной значимости, который принято именовать классикой, является результатом социального конструирования, во всяком случае, здесь очевидно действие «эффекта Матфея». Что касается «первого позитивизма», то необходимо различить в этом историографическом палимпсесте происхождение самой идеи и ее бытование в различных социальных и интеллектуальных средах. Например, почему контизм получил столь широкое распространение во многих странах, но не во Франции? Почему позитивисты призывают философов ориентироваться на данные опыта, а Конт заявляет, что позитивная философия характеризуется преобладанием в ее миропонимании социальной точки зрения? Эти вопросы поставлены в статье Г.Д. Чеснокова, который считает, что логику контовской философии едва ли следует искать в желании автора устранить противоречия во взглядах его предшественников (с. 13). Очевидно, распространение

контровских идей в массовом сознании интеллектуалов XIX столетия объясняется не столько открытиями «позитивизма», сколько определенной востребованностью его языка для выражения еще не осознавших себя умонастроений «шестидесятников». Б.М. Шахматов указывает, что всплеск количества публикаций Конта и о Конте в России приходится на 1865-1866 годы.

Е.Л. Петренко в статье «Огюст Конт — сциентист ли он?» находит изящный выход из историографического затруднения, связанного с тем, что провозвестник перехода от метафизической стадии развития человечества к стадии научной с 1845 г. утверждает в мысли, что позитивная философия должна перерасти в религию. Е.Л. Петренко считает, что для Конта теология и религия не одно и то же. Теология — это миросистема, философия, а религия — это чувство общности, целостности, причастности; религия представляет своего рода оппозицию не только любой власти, но и всем системам морали (с. 30). Действительно, контровская позитивная религия — это не трезвое размышление о фактах, а искреннее энтузиастическое единение, поддерживаемое культом Человечества и, в более узкой версии, культом Женщины. Эти смысловые моменты контровского учения позволяют предположить его глубокое сродство с протестантскими идеологиями, хотя сам философ неоднократно заявлял о неприятии индивидуалистических протестантских доктрин. Разумеется, вопрос о близости Конта католическому вероучению остается не менее сомнительным.

В статье Г.Д. Чеснокова «Огюст Конт и Французская революция XVIII века» внимание акцентируется на историографических проблемах контровского наследия. Автор убедительно показывает, что круг контровских идей сформировался на основе критического осмысления опыта Великой Французской революции, в частности, идеи народного суверенитета. Контровский «позитивизм» являет собой не столько понятное почти всем требование доверять фактам, сколько альтернативу разрушительным силам революции, оправдывающим себя метафизическими фикциями воли народа, свободы, равенства. С точки зрения Конта, смысл социального совершенствования заключается в создании морального социального порядка, скрепленного позитивной религией и культом Человечества. На личной печати французского мыслителя выгравирована священная формула: «Любовь как принцип, порядок как основание, прогресс как цель». Главным компонентом этой триады является, несомненно, порядок, ведомый воображаемой любовью. В этом случае основным вкладом Конта в историю общественной мысли является, конечно, не «Курс позитивной философии», а «Система позитивной политики». По мнению Г.Д. Чеснокова, Конт увидел границы опытного феноменального знания, непостижимость чувственного мира средствами спекулятивного *ratio*, он пытался «создать систему миропонимания и мироотношения, возвышающуюся над ограниченностью рассудочного, эмпирического, спекулятивного; систему, ориентирующую на поиски нового типа знания о мире — знания, объединяющего достижения конкретно-научного, философского, социального, религиозного опыта» (с. 32). По всей вероятности, именно личный религиозный опыт — некое энтузиастически-экстатическое начало, ведущее к единению человечества, — находится в фокусе контровской философско-религиозной доктрины. Даже «закон трех фазисов» представляет собой предысторию грядущего неразличенного слияния индивиду-

альных существ в едином сверхорганизме Человечества. Здесь у Конта нет явных предшественников. Апелляция к идее универсального человечества И. Канта не проясняет сути дела. Истолкование трансмиссии контовских идей в российскую социальную публицистику и общественную науку требует выхода за пределы философских концепций в область утопических умонастроений и протестных движений эпохи. Иначе невозможно понять реакцию образованной публики, например, на контовскую идею ввести квоту 100 тысяч теоретиков для всей планеты с жалованием 15 тыс. франков в год каждому. Главой этой корпорации избранных Конт назначил себя. Особенно примечательна позитивная идея запретить как бесполезные и даже вредные почти все академические труды. Как ни удивительно, эти предложения оказались созвучными революционным настроениям эпохи.

С одной стороны, легко превратить Конта в провозвестника методологии науки. На этой чудесной метаморфозе зиждется исторический миф о Конте как основателе научной методологии. Кажется, это общее место авторами сборника не проблематизируется. К.Х. Делакаров пишет, что Конт стал апологетом «науки и техники в момент, когда они набирали силу и уже стали оказывать существенное влияние на жизнь общества» (с. 6). С другой стороны, если предположить, что контовский позитивизм не имеет никакого отношения к методологии научного знания, вся картина может предстать в ином свете. Следует различить методологию науки и миф о научности, сопровождающий массовые идеологии и эзотерические движения Нового и Новейшего времени. Позитивистские рецитации относительно научности, наблюдения и опоры на факты не должны вводить в заблуждение. Во многих высказываниях Конта можно усмотреть необычайную прозорливость, но и этого недостаточно. Под знаком позитивизма происходило развертывание влиятельных революционных движений в России второй половины XIX столетия. «Позитивистское» и нигилистическое неприятие лживых условностей, требование искренности и непосредственности чувства были эквивалентны экзистенциальному заданию порыва, разрушавшего социальные и символические порядки. В рецензируемом сборнике републикована статья Г.Н. Вырубова, где содержится ясная формулировка максимы контизма: «Научные познания суть самые могучие орудия отрицания — против них нет никакой защиты; надо, следовательно, стараться дать их всякому в руки» (с. 297). Когда чувство возобладавало над разумом (необходимая черта любой ереси), именно позитивизму и материализму — наукам, основанным на «наблюдениях», — было суждено стать альтернативой косности и консерватизма «начетчиков». Требование строить науку на проверяемых и наблюдаемых фактах предполагает радикальное изменение всей языковой картины мира и способа воспроизводства знания. Открытие «факта» как конечной инстанции, устанавливающей истинность/ложность суждения, означало не столько обнаружение данной нам в ощущении аутентичной реальности, с которой нельзя не считаться в силу ее «данности» и «очевидности», сколько освоение новой эпистемической позиции — возможности видеть, слышать, чувствовать и говорить от первого лица. Способности говорить языком научного факта эквивалентна прерогативе истинного суждения, и этой способностью наделяется фигура научного материалиста. «Научность» стала новой ценностью, дающей просвещенному человеку право самостоятельно пользоваться

своим умом и судить о вещах на основе собственных наблюдений и невзирая на светские и духовные авторитеты. Именно наука должна восстановить единство и стабильность распавшегося мира и тем самым сыграть роль новой (нетеологической) религии чувства. Таковы основные идеи контизма, воспринятые образованными слоями российского общества. Позитивистское движение имело преимущественно антиклерикальный характер и несло на себе отпечаток самоотверженного подвижничества протестантских революций. На языке позитивизма и материализма заговорил российский «интеллектуальный пролетариат», требовавший права на собственное мнение. К.Х. Делакаров совершенно прав, когда пишет, что Конт, упразднив традиционного бога, вводит нового бога — тоталитарный научный разум (с. 8). Позитивная социология, подменяя традиционную религию, сама претендует на «истинную точку зрения человеческой мудрости». Поэтому научность сводится Контом к наблюдению, что, собственно говоря, имеет малое отношение к науке. Научность начинается не там, где вопрос об истинности знания редуцируется к опыту, а там, где знание становится процедурно воспроизводимым и, следовательно, универсальным. Априорное обоснование опыта — проблема, детально эксплицированная Кантом, — как будто не замечается основателем «первого позитивизма». Поэтому, скорее всего, Конт ставил перед собой задачу, не имеющую отношения к вопросу о возможностях опыта, и мнение о прямой преемственности контианства и кантианства представляется сомнительным. В частности, отсутствие в позитивной философии гносеологической и критической проблематики послужило причиной расхождений с Контом одного из видных русских позитивистов В.В. Лесевича (с. 98).

Вопрос о рецепции Конта в России требует преодоления некоторых концептуальных фантомов, возникающих вследствие внешнего сходства оригинала и его русской копии. Не исключено, что «русский контизм» — лишь частный случай преобладавшего в России скепсиса, востребовавшего к жизни «религию Человечества» и скоро открывшего для себя язык построения коммунистического завтра. Если так, то «русский контизм» являет собой результат определенной сегментации и тривиализации оригинала, так же, как это произошло, например, с «русским платонизмом». Аналогичным образом Б.Н. Чичерин объяснял популярность марксистских идей человеческой глупостью. Скорее всего, каталог бытовавших в русской публицистике прецедентных текстов Конта свелся бы к чрезвычайно тривиальному перечню. В.С. Соловьев чутко уловил будущность основных идей Конта: о женском элементе, о духовном учительстве и увековечении памяти исторических деятелей. Действительно, эти идеи, в том числе проблема пола, стояли на пороге, и социальная мысль ждала «кого-нибудь». В этой связи возникает вопрос об объяснении форм рецепции и трансмиссии философских идей. Б.М. Шахматов указывает на несколько видов историко-философских контактов: знакомство и оценка, распространение и трактовка, применение и развитие (с. 62-63). Он считает, что идеи Конта в России прошли через все стадии взаимодействия (с. 63). Таким образом, восприятие идей описывается, по его мнению, тригонометрической метафорой синусоиды, где по оси абсцисс откладываются количество публикаций, цитируемость, популярность и т. п., а по оси ординат — «стадии историко-философского взаимо-

действия». Знакомство с идеями Конта Б.М. Шахматов датирует 1845 годом, начало их интенсивного распространения и трактовки относит к 1865 году, начало применения и развития — к 1868 году, ознаменованному оригинальными работами П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, М.А. Бакунина, А.И. Стронина, Е.В. Де-Роберти, В.В. Лесевича. Второй виток спирали начинается в 1874 г. с критики контизма В.С. Соловьевым и В.В. Лесевичем. Здесь уже формируется традиция отношения к контизму отечественных мыслителей. Третий виток, приблизительно с середины 1880-х годов, связан с формированием российских позитивистских направлений в социологии и праве; четвертый (начиная с 1898 года, столетнего юбилея Конта) знаменует собой период всестороннего изучения и применения его идей; пятый виток, после длительного перерыва, начался с 1957 году (со столетней годовщины со дня смерти Конта) — это период марксистской критики и оценки контова наследия (В.Ф. Асмус, Б.М. Кедров, Ю.Н. Давыдов). Б.М. Шахматов считает, что последний период слишком затянулся (с. 63). Такова «диаграмма похождений» идей Конта в России. Кажется, что «диаграмма» основана на довольно абстрактных соображениях. Во всяком случае, нет убедительных оснований для различения «витков», а также интенсивного распространения, трактовки, применения и развития, критики и т. п. Все это формы историко-философской работы или рецепции контовской (или псевдоконтовской) проблематики в философской литературе и публицистике. Проблема в том, чтобы оперировать прозрачными различиями. Здесь нужен, прежде всего, точный библиографический анализ, помогающий прояснить отличие «распространения и трактовки» от «применения и развития». Не исключено, что «трактовка» может следовать за «применением». Однако Б.М. Шахматов категоричен в своей позиции: он считает, что главными показателями процесса освоения идей Конта являются не публикации в их количественной и безличной характеристиках и т. п., а историко-философское событие, «*событие* конкретное, своеобразное, содержательное... Основным исследовательским приемом здесь становится анализ, а распространение этого анализа и на специфику самого историко-философского исследования процесса взаимодействия идей Конта в России, нарастание методологической проблематики придают этому подходу историографический характер» (с. 64). Таким образом, проблема объяснения рецепции идей обостряется: есть ли в инструментарии исторического исследования такой «анализ», который позволит указать на «конкретное событие», значимое для периодизации и понимания происходившего. Такое «событие» не может быть установлено иначе, чем путем отнесения к ценности. Но ценность идей Конта в глазах его воодушевленных толкователей и исследователей — не то же самое, что их ценность для участников исторического процесса. Эту ценность нужно обнаружить и описать обстоятельства и мотивы поведения участников события. Скажем, стоит потратить рабочее время для просмотра архивных протоколов Отделения философии и права АН СССР, а также дирекции Института философии за 1956-1957 гг., чтобы усомниться в начале очередного витка освоения идей Конта в связи со столетием со дня его смерти. Можно установить, например, роль ЮНЕСКО в столь неожиданном для советской философии мероприятии, выяснить, с чего это вдруг В.Ф. Асмус написал статью на совершенно чуждую ему тему в одной из самых одиозных газет «Культу-

ра и жизнь», где публиковались указания партии о значимых событиях науки и культуры. Так или иначе, «диаграмма походов» идей Конта в России может быть прояснена только разысканиями материалов, но для этого историко-философское исследование должно утратить свой философский характер и стать исследованием историческим, оснащенным детальной источниковедческой экспертизой. В последнем случае многие «историографические» проблемы перестанут быть проблемами, в том числе спиралевидный характер ритмики и рисунка «походов Конта в России».

Б.М. Шахматов глубоко и точно формулирует одну из наиболее сложных проблем истории идей, когда говорит о трансляции, «иновенции Конта и К^о на Россию на языке ее аборигенов» (с. 64), и разделяет трансляцию и взаимодействие идей. Здесь вопрос о внутреннем состоянии воспринимающей стороны взаимодействия (=России) становится центральным. Речь идет о положении философии в русском обществе, исторические условия, рамки и традиции историко-философского процесса (с. 65). Б.М. Шахматов считает, что появление и распространение контизма совпало с зарождением и развитием самостоятельной философской жизни в России. «Позитивизм стал естественным элементом этой самостоятельной философской жизни как раз потому, что способствовал этой *самостоятельности*, несмотря на то, что издание в России и ввоз в нее сочинений Конта были под запретом в совокупности больше века,— пишет Б.М. Шахматов. — Контизм не только способствовал философскому *самоопределению* России, он способствовал выходу отечественной философской мысли на мировую арену, сделал ее частью международной философской жизни» (с. 56-66). Эта гипотеза должна быть поставлена под сомнение. Кажется, позитивизм в его контовской версии нисколько не повлиял на философские программы современности. В ситуации, когда кафедры философии в европейских университетах пустовали, и образованная молодежь стремилась к естественным наукам, позитивизм был артефактом, хотя и заметным. Конт (вместе с Бюхнером, Боклем и Спенсером) был востребован прежде всего теми, кто резал лягушек и верил опыту. Но по глубине и систематичности категориального аппарата контизм, конечно, не шел ни в какое сравнение с классической философской традицией, которая уже была укоренена в России. Все-таки открытие, что теологические верования и метафизические абстракции преодолеваются наукой — еще не философия. Точнее говорить о влиянии контизма (и позитивизма в целом) на русскую общественную мысль и «практическую философию», в том числе широко распространенные оккультные, по-своему позитивистские, увлечения русской интеллигенции, которая без особых трудностей переходила от позитивизма к марксизму, затем к идеализму и опять к марксизму на новом витке диалектической спирали.

Противоположность позитивизму в русской философии рассматривается в информативной статье С.Б. Роцинского «Вл. Соловьев и О. Конт: через критику — к конвергенции». Речь идет, прежде всего, о магистерской диссертации В.С. Соловьева «Кризис западной философии» (1874 г.) и последующей полемике между «априористами» и позитивистами, а также эволюции взглядов Соловьева на философию Конта (доклад «Идея человечества у Августа Конта» на собрании Философского общества при Петербургском университете 7 марта 1898 г.). В диссертации В.С. Соловьева предлагается синтез

содержания знания, его формы и сущего, которое постигается актом веры, то есть априорной уверенности в существовании воспринимаемых вещей. Тогда позитивное знание становится лишь одной из сторон процесса познания. В докладе 1898 г. В.С. Соловьев акцентирует внимание на «Системе позитивной политики» — именно в сочинении основателя позитивизма о «новой религии человечества» В.С. Соловьев обнаруживает «зерно великой истины» — идею Человечества как единого вселенского организма, живого существа, живой, действительной целостности, противостоящей холодной машинерии государственных и гражданских порядков. Следует отметить, что «зрелое» соловьевское прочтение Конта в 1898 году нельзя считать более аутентичным, чем критическое «магистерское» прочтение 1974 года, когда в центре внимания молодого русского философа находился «закон трех фазисов». Между «Системой позитивной политики» и «Системой позитивной философии» имеются принципиальные различия, главное из которых заключается в том, что «Человечество» востребует некоторого субъекта, скажем, верховного толкователя идеи человечества, и этот великий герменевт имеет абсолютную прерогативу эпистемического и ценностного суждения перед суждением индивидов, которые даже не обладают собственным («целостным») существованием, но лишь принадлежат Великому Существованию, как точки принадлежат линиям и плоскостям. Мысль о «точках», «линиях» и «плоскостях» более всего импонирует позднему В.С. Соловьеву. Впрочем, по В.С. Соловьеву, некоторые «точки» имеют большее значение, чем другие народы и даже расы. С.Б. Роцинский, кажется, не придает значения основной причине «конвергенции» В.С. Соловьева и контовской «религии человечества», причине, связанной не столько с переосмыслением философии О. Конта поздним В.С. Соловьевым, сколько с его переосмыслением собственного философского задания. К этому времени русский мыслитель уже был увлечен «магическим вихрем» теософической любви, находился в «обмороке духовном» (Г. Флоровский) и думал о собирании вселенной во имя ее избавления от тления и смерти. Имперсонализм становится здесь главным направлением философствования. В «Оправдании добра» под личностью имеется в виду не субстанциальное «Я», а некоторая бесконечность поиска, проявления и осуществления добра. Таким образом, В.С. Соловьев приходит к внеличному пониманию сознания. Во всяком случае, философствование позднего В.С. Соловьева уже нельзя рассматривать как лично ориентированный процесс. Конвергенция гностической идеи «Третьего Завета» и позитивизма, «Софии» и *Grand Être* представляет собой один из идейных фантомов, которыми так насыщен рубеж XIX и XX столетий. Удивительна вполне серьезно проводимая С.В. Роцинским параллель между Софией, *Grand Être*, подтверждением римским первосвященником «беспорочного культа мадонны» (так в тексте) и древним культом вечно-женственного начала в русской иконописи XI века (с. 82).

В ряде опубликованных в сборнике исследований рассматриваются отдельные фрагменты картины «русского контизма». Э.Я. Мозговая в статье о двух русских континанцах — В.В. Лесевиче и К.Д. Кавелине — освещает дискуссию о позитивизме в 1860-1870-е годы. Эти дискуссии придали «русскому контизму» систематизированный характер. В.В. Лесевич считал, что Конт порвал связь с Кантом, стремился развить гносеологическую пробле-

матику в контизме и превратить его в «критический реализм». Стремясь соединить Конта с Кантом, В.В. Лесевич пришел к Авенариусу и Маху. Версия позитивизма, развивавшаяся К.Д. Кавелиным, основана на акцентировании индивидуального психического мира личности. Обсуждению соотношения психологии и социологии посвящена полемика К.Д. Кавелина и И.М. Сеченова. Статья Б.Д. Цыренова посвящена влиянию «первого позитивизма» на формирование мировоззрения П.А. Кропоткина. В статье прослеживается удивительное «избирательное сродство» анархизма и «научности», которая, по всей вероятности, выполняла роль базовой метафоры для народнического мировоззрения. Наука, где начальной и конечной инстанциями является опыт, а не авторитет, стала основополагающей ценностью образованной молодежи того времени. Поэтому научное обоснование анархизма было необходимым шагом в формировании воззрений П.А. Кропоткина (с. 111). В статье Т. Симосато о несостоявшемся диалоге П.Н. Ткачева и П.Л. Лаврова проводится аналогия между общественно-политической ситуацией в России 1990-х годов XX века и ситуацией конца XIX века. Автор рассматривает, в частности, систему «разумного эгоизма», который предписывал русскому интеллектуалу определенный «хабитус» — не только научно мыслить, но и жить научно. Значительную часть работы занимает переложение фукольтианских идей о репрессивной функции наказаний.

В парадоксальной и лаконичной статье В.Ф. Пустарнакова «Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х годов и впервые о его кризисе» обсуждается проблема принципиальной важности — русское Просвещение. По мнению В.Ф. Пустарнакова, Просвещение как форма перехода от добуржуазных отношений к буржуазным имеет стадийный характер. Главное здесь — надклассовость, общечеловечность великих утопий, примат ценностного над познавательным. Поэтому философия Просвещения есть одна из разновидностей неакадемического, неуниверситетского стиля философствования (с. 159). Просветительская философия неразрывно связана с моралью, политикой, юриспруденцией, общественной практикой, которые нуждаются в новом языке. Такой язык мог утвердиться только в борьбе с метафизикой. Нельзя без существенных оговорок принять точку зрения В.Ф. Пустарнакова, который считал, что век русского Просвещения не мог наступить раньше 1840-х годов и получил наивысшее развитие в мировоззрении шестидесятников, а «естественные науки» выполняли роль, аналогичную роли «естественной» религии и «естественного права» в британском и французском Просвещении XVII-XVIII веков. Такой взгляд на периодизацию русской интеллектуальной истории в корне меняет классические представления, и требуются дополнительные аргументы в пользу тезиса, что русским просветителям был свойственен культ разума, а у народников возобладал культ чувства и на первое место выдвинулся «революционный инстинкт». «Чувствования человеческого сердца» наряду с руссоистским «состраданием» были в полной мере освоены еще екатерининским веком, и с тех пор их образцы постоянно воспроизводились русской литературой. «Чувства» в русской интеллектуальной истории (равно как и западноевропейской) были неотделимы от «разума». Идеи Конта равно воздействовали и на умы, и на сердца.

Ряд материалов сборника посвящен конкретным историко-философским разысканиям, в той или иной мере связанным с позитивистской традицией в

русской философии. В великолепной источниковедческой работе Б.М. Шахматова анализируются статьи П.Н. Ткачева, опубликованные во французской газете «Le Toscin», исключительно неординарные выводы содержатся в проведенном Б.М. Шахматовым «парном» исследовании П.Н. Ткачева и П.А. Кропоткина в связи с их работами о Великой Французской революции. Речь идет о том компоненте современной истории идей, который разрабатывается «теорией дискурса» и связан с изучением семиотики публичного текста. Б.М. Шахматов обнаруживает близость П.Н. Ткачева и П.А. Кропоткина в их героическом предназначении, порождающем театральность «как некую сигнальную систему, без которой взаимодействие героев и публики не будет достаточно результативным или не будет совсем. Поставив себя в положение героев, революционеры вынуждены говорить и действовать, повинувшись законам героического жанра» (с. 199). Очерчивается исключительно важная для исторической социологии и теории массовой коммуникации проблема описания героев, правил поведения революционеров, моральных кодексов и т. п. Б.М. Шахматов пишет об эволюции героического в истории, его вырождении в мифологию и политическую публицистику, стадном синдроме революционного героизма, который требует заключения в коммуникативную рамку (сцену, журнал, газету), высвеченную софитами общественного внимания для публики (отсюда синдром «пламенных революционеров»), и указывает на ключевой для понимания судеб контровского учения в России вопрос о дискурсивной природе революционной публицистики: «Общественная мысль как до-, около- и посленаучная по своей природе генетически предшествует науке и структурно обнимает, пеленает ее, стремится окрашивать ее в свои тона. Общественная мысль и наука постоянно конфронтируют, хотя постоянно маскируются друг под друга» (с. 298). Б.М. Шахматов различает «мысль в себе, *мысль как слово*, революционную концепцию, или доктрину» и «мысль вне себя, мысль для других, *мысль как действие*, как поступок, призыв, речь, прокламацию и т.п.» (с. 213). Подобная раздвоенность присуща не только революционной, но и любой публичной убеждающей речи, связанной с проповедью ценностей. Задача Б.М. Шахматова заключается в том, чтобы установить социологическую схему, по которой развивалась революционная мысль. Такая схема обнаруживается в триаде «сценичность — популярность — популизм», и автор имеет основания считать статьи П.А. Кропоткина и П.Н. Ткачева в газете «Набат» политическими «хитами» (с. 214). Клишированность — судьба любой революционной идеи.

Уникален публикуемый в сборнике «манифест» Г.Н. Вырубова — статья «Позитивизм и Россия» (предисловие к русскому переводу книги Э. Литтре «Несколько слов по поводу положительной философии», 1865 г.). Предыстория «манифеста» относится примерно к 1860 году, когда Л. Помье, ученик Конта и друг Литтре, затем преподаватель Александровского лицея, рассказал ученикам старшего класса Григорию Вырубову и Евгению Де-Роберти об «ультранецензурной» философии Конта, увлекая их не только блеском формы, но и ясностью мысли. Именно Г.Н. Вырубов и Е.В. Де-Роберти стали главными проводниками идей позитивизма среди русской образованной публики. Публикуемый в сборнике «манифест» русских позитивистов, несомненно, должен быть включен в хрестоматию по истории рус-

ской философии. Статья Б.М. Шахматова «Стартовый манифест российского позитивизма» выходит за рамки комментария. В ней ставятся методологические вопросы принципиального значения. Позитивизм, пишет Б.М. Шахматов, заявил о себе не только как система философская или система знания вообще, не только как система общественной мысли, но и система общественной жизни. Позитивизм — это сложносоставное *учение*, призванное воплотиться в определенных общественных формах, и определенное *движение* или *партия*, призванная воплотить в определенных общественных формах это учение (с. 263). Фактически, «русский контизм» вращается вокруг нескольких метафор: закона трех фазисов, приоритета опытного знания, классификации наук, где высшей является социология, религии Человечества. Все эти пункты отчетливо изложены в письме Конта императору Николаю I. Статья Г.Н. Вырубова, одного из самых ярких последователей Конта в России, развертывает идею позитивизма как руководящей философии, руководящего мировоззрения, руководящего нравственного и социального учения и, наконец, как программу реформирования России. Не только содержание, но и форма «программных речей» удивительно клишированы, наполнены типичными оборотами мобилизующей речи и массовой пропаганды. Это общее стремление к расколдованию мира, отрицание сверхъестественной воли на земле и на небе, убежденность в высшей ценности личной свободы и, одновременно, предопределенности некоторого избранного меньшинства к спасению составляло пафос движения за ниспровержение порядков, основанных на силе власти и авторитете книжного знания, коль скоро последнее имеет священный характер. «Опыт» как альтернатива деспотизму книжных истин не ставился под сомнение. Собственно говоря, «первый позитивизм» не философское учение, а энтузиазм «нового человека», обнаружившего несоответствие мира своим требованиям. Разделение знания на священное и профанное предполагает, что есть недоступная личному опыту инстанция, она же и определяет смысл бытия. А самодостаточное профанное знание опирается на веру в то, что тайна может быть превращена в проблему, а мир просвечен пытливым разумом, — тогда образованность становится главным условием спасения.

Выход в свет сборника «Огюст Конт: Взгляд из России» свидетельствует о высоком качестве исследований, проводимых проблемной группой «История отечественной общественно-философской мысли» в Российской академии государственной службы. Несомненно, эта книга войдет в круг обязательного чтения по истории русской философии и социологии.